

Павел Гнилорыбов

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ИЗЛИШЕСТВА:
КАК ПОЛЮБИТЬ
Москву**

Инструкция

Издательство АСТ
Москва

УДК 913(036)(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)я2
Г56

Павел Гнилорыбов

Г56   Архитектурные излишества: как полюбить Москву. Ин-
струкция / Павел Гнилорыбов. — Москва : Издательство
АСТ, 2020. — 256 с. — (Пешком по городу).

ISBN 978-5-17-119908-1

Просветительский проект «Архитектурные излишества» и его адми-
нистратор, писатель Павел Гнилорыбов, представляют книгу-инструкцию,
которая проведет вас по самым знаменитым достопримечательностям го-
рода, а также покажет его малоизвестные красоты, удивит царским велико-
лепием дворцов и скромным обаянием узких улочек, разнообразием стилей
и форм. Эту книгу нужно не читать — ее лучше сразу положить в сумку или
рюкзак и отправиться в путь по маршрутам, которые она предлагает. Даже
те, кто хорошо знает Москву, смогут увидеть ее с неизведанной раньше сто-
роны — и, конечно, полюбить.

УДК 913(036)(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)я2

ISBN 978-5-17-119908-1

© Павел Гнилорыбов, текст
© 000 «Издательство АСТ», 2020

Посвящаю эту книгу любимой Наташе

*Гудит простор торжественнее месс,
Скользят виденья легкими стопами...
Я, как людские, слышу души мест,
Копящие пространственную память.*

*Они лишь внешне скованно немы,—
Таятся в них хвалы, хулы, раздоры,—
Свидетельствуют доли и холмы!
Витийствуют теснины и просторы!*

*Пространство берегает каждый след,
Как ни был он расплывчат или хрупок,
Ведя в магнитных лентах запись лет,
Добра и зла, поступков и уступок.*

*Живешь, с былым забывчиво простясь,
Но вдруг напомнит бедственность наследий,
Какие страшные куски пространств
Болят от совершавшихся трагедий!..*

Юрий Ефремов, 1968

Смотрите на Москву широко открытыми глазами

Архитектура — самое доступное человеку искусство. Чтобы увидеть оригинальные полотна художников и вживую «пообщаться» со старинным холстом, нужно покидать любимый диван, отправляться в галерею или художественный музей. Столь же затратно по времени и деньгам личное соприкосновение с театром, оперой, цирком, кинематографом.

И здесь архитектура значительно выигрывает, ведь памятники разных эпох попадают на глаза каждый день, даже если мы не идем пешком, а едем на такси, электричке, пользуемся другим общественным транспортом.

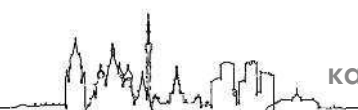
В архитектуре, как в живописи и визуальных искусствах, нужна своеобразная «насмотренность»,

личное знакомство и зрительный контакт со зданием. Мы не призываем любить каждое встреченное строение. Достаточно ответить на несколько вопросов: какие эмоции оно у меня вызывает, нравится или, скорее же, нет? Чем руководствовались люди, когда его возводили? Кто был владельцем, может быть, личные взгляды и эстетические воззрения хозяина как-то отразились на постройке? Споры о вкусе уходят на второй план.

Можно провести параллели с кинематографом — человек волен выбирать сериалы о зомби, длинные мелодрамы, артхаус, короткометражки или документальное кино, но «Великого диктатора» или «Побег из Шоушенка» должен посмотреть каждый. Так и знакомство с архитектурой московских зданий (большим-большим списком шедевров первого и второго ряда) поможет вам приобрести «насмотренность», когда глаз сам начинает очищать здание от шелухи поздних пристроек. Вы научитесь видеть изначальные формы дома, поймете, какие этажи надстроены, как формировался участок, «прочитаете» множество краеведческих детективов локального характера.

Кроме того, вы сможете очаровать ворохом интересных фактов своего близкого человека. Городские улицы становятся гораздо насыщеннее, когда знаешь, где жил Достоевский и бродил Венечка Ерофеев, как раньше действовали почтовые службы и транспорт,

в какой из маленьких музеев стоит заглянуть. Автор встречал немало пар, которые встретились и нашли друг друга благодаря краеведению. Многие специально приходят на экскурсии-прогулки, чтобы затем повторить маршрут со своей второй половинкой или семьей. Знание о городе освобождает от одиночества, дает невидимые крылья, позволяет настроиться на очень тонкий московский камертон.

Несомненно, в Москве выходит много краеведческой литературы, помогают группы в социальных сетях, музеи, выставки, экскурсионные проекты. Но все эти продукты не столь многочисленны и не охватывают значительного процента горожан. В последние годы стремительно растущая Москва воспринимается многими как не очень дружелюбное транзитное пространство либо площадка для заработка денег. Горожане старой закалки еще сильнее держатся за свои истоки и стереотипы, которые отчасти соответствуют действительности.

Сблизить и помирить всех способна только история Москвы, ее городская среда и архитектура. Чаще выходите на улицу в познавательных целях, выделяйте время, чтобы разобраться в этих иногда витиеватых, тонких, а иногда прямолинейных и грубых линиях зданий. «А я обучался азбуке с вывесок, листая страницы железа и жести», — писал Маяковский. В его эпоху самобытные, наивно исполненные вывески густо облепляли лю-

бое здание на оживленной улице и действительно были городским «алфавитом».

Изучение города сейчас — шанс найти серьезное увлечение на всю жизнь, перестать считать Москву «серой» (ведь это не соответствует действительности), понять, чем интересно Гольяново, Выхино или Тушино. Москва нуждается в осознанных горожанах, которые разбираются в архитектуре, истории, могут трактовать пространство, чтобы город окончательно не превратился в большое кочевье.

Москва всегда росла так, что было трудно отличить окраинные районы города от предместий. Очень часто в классической литературе мы встречаем пассажи: нетерпеливый пассажир интересуется — мол, мы уже в Москве? При этом окружающий пейзаж продолжает оставаться в основном сельским. Да, у Москвы были формальные границы до середины XVIII века — заставы и внутренние таможи, но дыхание города чувствовалось за пару десятков верст. Как же город прирастал окружающим пространством и затем причесывал его под свою гребенку? На эти вопросы тоже предстоит ответить.

Консерватору хотелось бы задержать Москву в границах Окружной дороги, а дальше не пускать. Мы всегда сталкивали лбом деревню и город, индивида и коллектив, лошадь и трактор. Выжечь все, что было до тебя, но так и остаться полугородским, полуобразованным, полуголодным. Все

или ничего! В итоге на тысяче квадратных километров гуляет ветер, дымят ТЭЦ, шупальца метро захватывают еще пару кварталов, автобус едет до остановки «Хладокомбинат». Кладбищ нет. Деревья вырублены. Избушки раскатаны на дрова. Осталось в лучшем случае имя — Саларьево или Братеево, в худшем — Проектируемый проезд с условным номером 1234.

Песня «Московских окон негасимый свет» — про деревянные рамы, мороз на стекле, причудливый абажур. На улице Никольской не осталось ни одного оригинального старого окна. Все труднее рассказывать о Москве, где гипс и краска, рулонный газон и евроремонт «под ноль» берут свое. Москву тяжело любить тактильно, потому что новый год принесет очередной слой штукатурки, а потрескавшиеся дверные ручки будут заменены позолоченными копиями.

Но Москва на то и Москва, чтобы оставлять нам добрых духов. Они помогают нам на месте снесенного дома разметить шахматную доску комнат, а на старой кирпичной стене найти клеймо производителя. Любовь к Москве требует ювелирного зрения, напряжения мыслей, пытливых и сложных вопросов к себе и стране. Москва до невероятности развивает воображение, оно-то и позволяет увидеть на месте промзоны вишневый сад. Что останется, если исчезнет столица? Вселенское прозябание.

Найдите любимый архитектурный стиль

Архитектурные стили приходили и уходили вместе с модными тенденциями и новыми строительными материалами. Это живая цепочка, которая показывает, чем дышало общество и как эволюционировало. Смену предпочтений в архитектуре всегда нужно рассматривать неотрывно от повседневной жизни той поры, изучать оформление интерьеров, брать во внимание мощные социальные катаклизмы (скажем, революция 1917 года, прервавшая формирование одних стилей и породившая другие).

В Москве охраняется больше 8 тысяч зданий. Это значит, что государство признает культурно-историческую или архитектурную ценность дома — он или великолепен сам по себе, либо построен важным архитектором, либо же здесь произошли значительные события городского

или всероссийского масштаба — Ленин выступал, Пушкин ночевал, Есенин стихи читал.

Еще многие сотни домов не имеют формального охранного статуса, но это те здания, которые достались нам, счастливым потомкам, чтобы познать их, радоваться и размышлять. Найдите свой любимый стиль, чтобы выделять его представителей среди других домов. Возможно, вас заинтересует судьба архитектора, и вы изучите биографию Казакова, Баженова, Ухтомского, Львова, Тона, Каминского, Шехтеля, Щусева, Жолтовского, Павлова.

Многие не любят Москву за ее эклектичность и всеобщее смешение. Действительно, здесь из-за брежневской панельки может выглядывать конструктивистский дом, а рядом будут прятаться палаты XVII века. Но прелесть как раз и состоит в том, что бусинки одного ожерелья разбросаны по всему городу. В Москве вы найдете не очень много исторических ансамблей и комплексов, когда в ряд выстроились дома одного периода. Столица не подносит готовое знание на тарелке. Только вдумчивое изучение районов позволит воспринимать город «слоями», сложившимися за последние 500—600 лет.

За почти девять столетий своей истории столица много раз перестраивалась, перекраивалась по воле властей или силами стихии — ураганов, наводнений, болезней. Каждый из правителей

принимал столицу как материал для упражнений и желал переделать на свой лад, сшить новый московский кафтан — так планировали Петр I, Екатерина II, Иосиф Сталин и Юрий Лужков. Но город — не застывший макет, а связь сложнейших элементов, поэтому устроить Москву «под себя» правителям удавалось только частично.

Со временем кровоточащие раны превращаются в исторические шрамы, зарубки на коре дерева, и мы воспринимаем их как часть московской истории. Скажем, резкую неприязнь в свое время вызывали и высокие доходные дома, и непонятный стиль модерн, и нынешний Новый Арбат.

Для критического осмысления архитектуры сейчас нужно десять-двадцать лет. Для новых высоток и «стекляшек» 1990—2000-х годов энтузиасты сейчас пытаются приспособить термин «капром» («капиталистический романтизм»). Нет юридических терминов для «красивой» и «некрасивой» архитектуры. Все, что строится в Москве, мы стараемся проанализировать, понять. Любить — необязательно, но на каждом здании стоит печать своего времени.

В Москве осталось мало следов первых веков существования города — основным материалом было дерево, на город почти каждый год обрушивались пожары. За русской архитектурой XII—XIV веков стоит отправляться в границы Новго-

родских, Псковских, Владимиро-Суздальских, Ростовских земель. Но с конца XV столетия, когда стали возводить краснокирпичный Кремль, в московской архитектуре практически нет «белых пятен» и подробно представлен каждый период.

Конечно, прежде всего от старинного города остаются церкви. В Москве есть и белокаменные соборы, и шатровые храмы XV—XVII столетий. Позже рождаются пестрые церкви с национальным оттенком — это времена узорчья и нарышкинского барокко. Храмы часто украшались поливной глазурью и керамическими элементами, поэтому выглядят они словно живописная азбука 350-летней давности — тут и экзотические птицы, и растения из теплых стран. Видна страсть москвичей, живших во времена сурового холода, к теплу и морю.

Жилища простых горожан до нас дошли в меньшем количестве, потому что строились из не столь качественных материалов. Но гражданских построек XV—XVII веков в Москве довольно много. Боярские палаты располагаются внутри кварталов и вдалеке от шумных улиц — их строили обычно в глубине двора до появления современного понятия «красной линии» (линии сплошных фасадов). Поиск таких домов превращается в квест — например, древние палаты Титова со всех сторон окружены писательским домом в Лаврушинском переулке. Без путеводителя и не найдешь.

Каждый такой дом напоминает небольшую крепость — суровую, неприступную, крепко сложенную. Понятие комфорта для москвичей, видимо, было важнее категорий красоты. На каменные палаты часто ставили верхний этаж, выполненный из дерева.

В Москве XVII века были свои анклавны непривычного — например, Немецкая слобода, где жили зарубежные специалисты и обрусевшие иностранцы. Облик домов здесь отличался от московских, и Петр Великий, прорубая свое знаменитое окно в Европу, ориентировался прежде всего на западные стили. Восемнадцатый век дарит Москве россыпь дворянских усадеб, выполненных в стиле барокко и классицизма. Во времена Екатерины Второй рождается русская готика — достаточно вспомнить Царицыно или Петровский путевой дворец.

После пожара 1812 года камня для восстановления города не хватает, и приходится строить ампиные особнячки с мезонином из дерева, слегка оштукатуривая их, а то и вовсе имитируя камень деревянными дощечками. В церковном строительстве этого времени преобладает византийский стиль.

В годы правления Александра II москвичи начинают осознавать цену земельных участков — раньше город застраивали с низкой плотностью, и росла столица преимущественно вширь, а не вверх. Теперь бывшие аристократические

участки активно заполняют доходными домами — увлеклись так, что построили 10-этажный дом Нирзее в Гнездниковском переулке. В годы Серебряного века Москва очарована неорусским стилем, неповторимым модерном, неоготическими зданиями.

Интересна и промышленная архитектура тех лет — от водонапорных башен до фабричных корпусов. Красный кирпич за столетие обрел своеобразную бордовую «патину» и очень ценится на рынке — большинство лофтов, творческих кластеров возникают именно в таких помещениях рубежа 1890—1900-х. За несколько лет до революции появляется очередное прочтение классики — вновь правят бал дома со строгими колоннами и минимумом украшений. Стиль 1910-х годов — неоклассицизм или рациональный, усеченный модерн.

В 1918 году Москва возвращает себе столичный статус, проходит этапы конструктивистского жилья — очень много авангардных домов расположены компактно, целыми поселочками вроде Усачевки или Дубровки. В 1930—1950-е годы главенствующим стилем была сталинская классика, причем она очень разная — от больших ведомственных домов Тверской до малоэтажных районов с обширными дворами.

Никита Хрущев начал борьбу с «излишествами в архитектуре», но зодчие все равно старались даже в эпоху панельного строительства использо-

вать необычные материалы, украшать дома и общественные здания мозаиками, быстрее вводить в оборот новые серии. Это время эффектных зданий советского модернизма.

Но именно с конца пятидесятих годов архитектор, конечно, оказался «задавлен» строительным комплексом. Сейчас профессия постепенно возвращает себе былую значимость. Архитектор — это художник, творец, от него требуется высочайшая квалификация. Если холст живописца можно уничтожить, то неудачный градостроительный проект будет «украшать» город много лет, от него просто так не избавиться.

В 1990-е и 2000-е годы творческая энергия архитекторов выплеснулась на улицы. В Москве появилось много ироничных, откровенно шуточных зданий эпохи постмодернизма. В наши дни зодчие работают строже и уже не построят дом-яйцо.

За каждой архитектурной эпохой города — сотни имен, надменные или пылкие заказчики, бессонные ночи архитекторов, творческие диспуты, любовь и ревность, весь спектр человеческих чувств. Всмотритесь в московские камни — они поведают о многом.